

Б

ольшую часть пассажиров составляли туристы, летевшие домой. Артур, высокий спортивного телосложения парень, щеголя модной стрижкой «фейд» (кто не в курсе, так называются стриженные под машинку волосы на затылке и висках, и длинные на макушке), вертелся возле своего кресла, пристраивая багаж и периодически приглаживая ладонью непослушный, разлетавшийся в разные стороны вихор. Парень возвращался из длительной командировки в Чехию. Там молодой перспективный менеджер представлял интересы туристической компании, которая расширяя свой бизнес, решила сделать акцент на новом для себя направлении. Артур находился в приподнятом настроении: его первая в жизни командировка завершилась успешно, и можно было не сомневаться, что руководство компании достойно оценит его работу.

Пассажиры, чьи места находились у стенок, спешно раздевшись и разместив легкий багаж, уткнулись в иллюминаторы, остальные, сидящие у прохода, еще продолжали копошиться, устраиваясь поудобнее, и с любопытством оглядывали длиннющий салон, с недоумением отмечая в нем отдельные пустующие места. Особый интерес — главным образом у мужской половины салона — вызывали снующие туда-сюда молоденькие стюардессы.

Соседнее кресло, что было у прохода, пустовало, и это несказанно порадовало нашего героя. Молодой человек занял свое место у окна и с наслаждением вытянул длинные ноги в дорогих брендовых кроссовках по диагонали, почти до самого прохода. Заботливо поглаживая, поправил элегантный в нежную синюю полосочку шарф-кашне, с любовью преподнесенный ему подружкой перед поездкой — «носи и вспоминай меня почаще». В минуту прощанья девушка, смеясь, набросила шарф ему на шею и, чмокнув парня в щеку, шепнула в ушко: «На удачу!»

«Боинг» взмыл к облакам, и вскоре здание аэропорта с взлетной полосой затерялось среди игрушечных домиков, разбросанных по зеленому ковру полей и меж извилистыми лентами дорог, с высоты казавшимися уже тоненькими черными ниточками. А вскоре и эта картинка пропала: под крылом поплыл туман облаков.

Наконец лайнер набрал высоту и на крейсерской скорости взял курс на Москву. Прага — с ее прекрасной архитектурой, с ласкающими взор рыжими черепичными крышами домов, с чистенькими и без навязчивой рекламы, аккуратно мощеными улицами, по которым бесшумно сновали туда-сюда комфортные городские трамвайчики, — осталась позади.

Артур откинул миниатюрный столик, закрепленный на спинке переднего кресла, и сделал заказ бортпроводнице. Пассажирам предлагались разнообразные напитки, бутерброды, десерт. Артурчик обожал йогурты.

Затарившись и разложив всю эту вкуснятину на столе — пеструю фигурную бутылочку с йогуртом, бутерброд и миниатюрный кексик, кокетливо украшенный сверху ягодкой, — юноша решил размяться, прогулявшись в носовую часть салона к своему новому приятелю, с которым познакомился, путешествуя по Чехии.

Летнюю тонкую ветровку и довольно массивный кожаный портфель с документами и рекламными проспектами он заранее пристроил на багажную антресоль над головой, а легкий, но громоздкий картонный короб с сувенирами сунул под сиденье соседнего свободного кресла. От кашне, наброшенного на шею, сделалось жарко, и Артур на ходу сдернул его с плеч и накинул на спинку незанятого кресла, в очередной раз с благодарностью отметив про себя, что подарок любимой и впрямь обернулся добрым талисманом в напряженной, трудной поездке.

...На радость друзей, кресло рядом с приятелем тоже оказалось свободным, и они, пристроившись рядышком, долго, воодушевленно общались. К тому же у дружка оказалась припрятанная и чудом не обнаруженная на контроле в аэропорту бутылочка «Бехеровки» — знаменитого чешского бальзама, — и парни слегка «накатили», с аппетитом закусив бургерами, принесенными любезной бортпроводницей.

Наконец, Артур, не без труда поднявшись (уже сказывалось благотворное влияние чудодейственного бальзама), попрощался с приятелем и отправился восвояси, без труда отыскав свое место благодаря дорогому сердцу и весьма приметному шарфику, послужившему маяком среди океана стоящих в длиннющий ряд одинаковых кресел.

Дойдя до своего места, Артур несказанно удивился, узрев на своем кресле солидного господина в твидовом пиджаке и с гладко зачесанными назад волосами, попивающего из бутылочки йогурт. Его йогурт, между

прочим! Так как другой бутылочки в окружающем пространстве не просматривалось. Что за фигня...

Один конец стильного, милого сердцу шарфа-талисмана болтался где-то сзади, за спинкой соседнего кресла, краешек второго, с изысканной вышивкой, — был придавлен широкой спиной наглеца.

Наглец же, всякий раз сделав глоток из горлышка, ставил бутылку на стол и углублялся в чтение захватывающего, как понял Артур, детектива, придерживая книгу свободной рукой. На плюхнувшегося рядом с ним в кресло человека тот не обратил ни малейшего внимания.

Некоторое время Артур находился в растерянности: подобного с ним еще не случилось. К тому же, надо признать, несколько смущала чересчур ухоженная внешность этого оккупанта. Быть или не быть?.. Бить или не бить?.. Спросить!

— Простите, а вы не ошиблись местом?.. — сдерживая раздражение, с напускной мягкостью осведомился Артурчик, одновременно схватившись рукой за кашне и недобро сверкнув глазами. Затем резко рванул!.. И победно выдернул кончик шарфа из-за спины этого типа.

И что же?!

— Нет, — коротко отвечивал тип, не удостоив соседа даже взглядом, и в очередной раз отхлебнул из бутылочки. Артур даже сглотнул слюну, так ему захотелось своего йогурта!

Да-а... Такого неоправданного пренебрежения к собственной персоне он ну никак не ожидал. Все, баста! Терпеть он больше не намерен...

Только вдруг его сердечко подозрительно встрепенулось.

Стоп!.. Так, может, этому... фрукту! — ух! даже слова подходящего не подберешь! — окромя чужого кресла и йогурта еще и портфель мой — фирменный, из страусиной кожи! — приглянулся, а?! У Артура от этой мысли аж дыхание перехватило, и он, не отрывая испепеляющего взгляда от соседа, привстал и потянулся было рукой к багажной антресоли, дабы проверить свои подозрения, да нечаянно задел «фрукта» локтем. И только тут захватчик оборотил, наконец, свой взор на новоявленного соседа. В его наглых кошачьих глазах сквозило удивление, а на верхней губе, по всему прочему, в виде тонких усиков вызывающе поблескивала розовая полоска йогурта.

И Артурчик не выдержал, мгновенно позабыв про портфель.

— А вам не кажется, сударь, что вы пьете чужой йогурт?! — сурово спросил Артур.

— Нет, не кажется, — насмешливо хмыкнув, безмятежно отозвался тот. Спокойное равнодушие этого бесстыдника удивило и еще больше разозлило нашего выселенца.

Ах, так!.. О том, что можно просто-напросто заказать еще один йогурт у бортпроводника, не возникло и мысли.

За бутылочку с йогуртом они ухватились одновременно, потянув каждый к себе. Пластиковая бутылка мгновенно смялась, будучи практически опорожненной — вот же гад! — и сделалась похожей на уродливую статуэтку.

Меж тем на Артуровом столике зазывно возлежал нетронутый еще вражеским оккупантом соблазнительный бутерброд с ветчиной и сыром. И вкусняшка кекс. А кексы Артурчик тоже любил. Но кекс был слишком маленький, а бутерброд — большой. Соперники разом вперились в бутерброд, буквально прожигая его взглядом. Артуру на мгновенье даже почудилось, что над ним полыхнула молния.

Артурчик оказался проворней: первым ухватив бутерброд свободной рукой (вторая все еще сжимала бутылку с йогуртом), в одно мгновение запихнул его в рот и, угрожающе раздувая ноздри и недвусмысленно глядя в глаза сопернику, давясь и покашливая, проглотил. Почти не жуя! И выдавил из себя улыбку. Правда, улыбка вышла какой-то странной, вымученной — ну еще бы! Попробуйте-ка сами, всухую, не пережевывая... Зато выражение соседской физиономии не оставляло теперь никаких сомнений: типчик был в гневе. Наконец-то! А то, ишь, устроился тут... у окошка.

Какое-то время они соседствовали молча, и даже на снующих в проходе очаровательных проводниц в коротких юбочках внимания не обращали. Было ясно, что мысли каждого заняты лишь одним: скотиной, сидящей рядом.

Из сетчатого кармашка на спинке кресла, расположенного прямо под столиком, выглядывал глянцевый журнал в яркой обложке, с которой на них смотрело улыбающееся лицо стюардессы. Его Артур прихватил из толстой стопки журналов на входе в салон самолета. Теперь, чтобы его извлечь, необходимо было чуть сдвинуть колени соседа в сторону, и Артурчик с нескрываемым удовольствием легонько пнул «оккупанта» кулаком в коленку, выдернул журнал, раскрыл его на первой попавшейся странице и, сияя, словно тульский самовар, — так-то, пусть знает, кто в доме хозяин! — с наслаждением принялся рассматривать картинки.

Однако странно: к этим бесцеремонным, если не сказать, наглым, манипуляциям новоявленного соседа оккупант остался равнодушен. Или так только казалось?..

Лайнер несколько раз тряхнуло, и пассажиры обеспокоенно поворотили головы к иллюминаторам. Но ничего интересного и необычного за бортом не обнаружив, тут же вернулись к своим занятиям. Самолет снова вздрогнул, и по салону с нарастающей тревогой пронесли брошенные кем-то из пассажиров мудреные словечки типа «воздушная яма», «турбулентность», «аэродинамическая сила»... Неудивительно, что немногочисленные знатоки эдаких тонкостей авиационной науки тут же снискали заслуженное уважение необразованного большинства. Но тут опрометчиво пророненные кем-то из «знатоков» недвусмысленные термины «пике», «катапультное кресло» да еще понятное всем с детства слово «парашют» вызвали весьма неоднозначную реакцию среди пассажиров.

Вот и у соседа-оккупанта, видимо, сдали нервишки — катапультироваться! да не расплатившись по счетам!! — и тот неожиданно и по-прежнему не говоря ни слова, с силой ухватился за Артуров журнал своими холенькими — это Артурчик давно просек — лапами и тихой сапой потянул к себе.

Ну-у, это уже беспредел! Пусть к окошку уселся — хорошо, черт с ним, дураком. Пускай оголодал, бедолага, не утерпел, не дождался бортпроводника — ладно уж. Так ему еще мой журнал подавай! Каков наглец, однако. Врезать бы ему сейчас по его гладко причесанной, напомаженной тыкве!

Вдобавок разобраться с ним по-мужски мешал его отутюженный, без единой складочки пиджачок и какой-то дорогуший — не иначе как «от Brioni» — кашемировый галстук. Ухватить бы этого придурка за его щегольской галстук да ка-а-ак!.. Но тут глянцевые страницы журнала стре-

мгновенно заскользили меж пальцами Артура, и тот в одно мгновение оказался в руках «экспроприатора».

Артурчик почему-то растерялся.

Прямо возле него остановилась тележка, уставленная едой и напитками, и стюардесса, очаровательно улыбнувшись, поинтересовалась, не желают ли джентльмены чего-нибудь выбрать?

— Нет!! — в один голос, хором гаркнули «джентльмены», как будто проводница страдала глухотой. Та даже отпрянула от неожиданности, вскинув в удивлении брови, и заторопилась с тележкой дальше.

И тут Артура как шилом пронзило! Парень вспомнил, что под креслом, где он сейчас сидит, должна лежать коробочка с сувенирами, что наверху не помещалась.

Он тут же пригнулся и стал лихорадочно водить рукой под сиденьем — пусто!

Неужто этот прохиндей и коробку стибрил, мерзавец! Впрочем, Артур уже ничему не удивлялся.

А тем временем сосед с напускным интересом, не торопясь и поблескивая дорогушим, усыпанным сверкающими чешскими гранатами перстнем на безымянном пальце, пролистывал экспроприированный журнал.

И тут Артурчик совершенно отчетливо осознал, что с интеллигентскими манерами пора заканчивать. Развернувшись к соседу всем корпусом и прозвиз того суровым леденящим взором, потянулся ладонями с широко растопыренными пальцами к его шее. Вы ж понимаете, так делают, когда собираются кого-либо придушить.

— Где коробка, экспроприатор, отвечай?! — с мощной интонацией в голосе, сквозь зубы процедил Артурчик, что не предвещало ничего хорошего для того, кого нарекли экспроприатором.

Мимо них в обратную сторону, красиво виляя бедрами, проследовала проводница с пустой тележкой; кто-то из пассажиров ее окликнул и та остановилась. Но эти двое, занятые друг другом, ничего не замечали вокруг.

— ...Молодой человек, — неожиданно послышался сдержанный и подозрительно доброжелательный голос «экспроприатора», вынужденного вжаться плечом в иллюминатор, дабы отстраниться подальше от опасно скрюченных около своей шеи пальцев этого сумасшедшего. — Покажите ваш билет, пожалуйста...

— Что?!! — Артур аж захлебнулся от возмущения. — Сам покажи!

— Пожалуйста... — И наглец, не торопясь, вытащил из кармана твидового пиджака авиабилет, свернутый пополам, развернул его и сунул под нос Артуру. — Номер посадочного места видите? И будьте так любезны, взгляните туда, — и сделал жест рукой, указывая наверх.

У Артурчика екнуло сердце. Он вскинул голову и...

О, ужас... Прямо над ним, на светлой фасадной панели багажной полки, где обычно указывают нумерацию кресел, четко красовались два номера: 28 и 29.

Сказать по правде, еще никогда в жизни созерцание чисел не оказывало на Артура такое магически-парализующее действие, как сейчас!

Как же так... Этого быть не может!.. А ведь он туда даже не глянул...

В голове закружился вихрь бестолковых мыслей. Они сбивали друг дружку, перемешивались, исчезали, снова появлялись, внося сумятицу, расстраивая логику событий.

Стоп! А как же шарф?! Талисманный, в полосочку...

Ах, ша-а-арф... Его-то он, заторопившись к приятелю, спешно повесил на подголовник расположенного впереди и тоже свободного крайнего кресла — переднего! — а не того, что рядом. Так что, его, Артурчика, законное 30-е, обозначенное в билете место должно находиться аккурат позади этого типа...

Ка-пец. Стыд-то какой... Погоди-погоди: а как же йогурт! А бутерброд с ветчиной на столике? И кексик, черт его побери!

Но мысли постепенно приходили в порядок, лишние отсеивались, и, наконец, осталась одна единственная. Повинуясь ей, Артурчик оглянулся и, слегка приподнявшись, сунул нос в пространство между креслами. На разложенном за спиной «экспроприатора» точно таком же столике пред его удрученным взором предстала нетронутая бутылка йогурта. Рядом покоились кекс с ягодкой наверху и целехонький бутерброд — с ветчиной-сыром. Из-под столика, отражаясь в неоновом свете ламп, кичливо поблескивал уголок глянцевого журнала...

Даже спускаясь по трапу, он все еще чувствовал, как пылают щеки. Какой конфуз! Так осрамиться... А все из-за этого дурацкого кашне, все из-за него, проклятущего, — «на удачу», понимаешь, пропади он пропадом!

К трапу подали автобус. Последней, дерзкой мыслью перед тем, как шагнуть в салон было: «Приеду, вышвырну к чертовой бабушке!..»

Сразу полегчало. Фу-у-у... — и Артур глубоко, с облегчением выдохнул.

